

«По ту сторону правовой нормы»:
понятие *суверен* с позиции юридического
децизионизма и политической теологии
Карла Шмитта

Борис А. Антонов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, heidel@rambler.ru*

Аннотация. Автор статьи предпринимает попытку анализа понятия *суверен* с позиции юридического децизионизма и политической теологии – учений, разработанных немецким философом и правоведом Карлом Шмиттом (1888–1985).

Децизионизм по праву считается одним из базовых концептов шмиттовского политико-правового дискурса. В своем объемном трактате «Диктатура» (1910 г.) Шмитт инициирует детально разработанное учение о децизионизме, в основе которого лежит *принятие политического решения*, обоснованного соответствующей властью (а не законом). Позднее (в 1922 г.) Шмитт издает свою «Политическую теологию»*, в оптику которой снова попадает децизионизм, а также те его государственно-правовые понятия, которые возможны к соотнесению с понятиями теологическими. К ним, прежде всего, относятся понятия *суверен*, *суверенитет*, *чрезвычайное положение*. И наконец в работе «О трех видах юридического мышления» (1934 г.) он предлагает классификацию юридического мышления (в котором допустимо предположить одновременное существование всех его трех видов), отвергая нормативизм и обосновывая свою склонность к децизионизму и мышлению в категориях конкретного порядка.

Некоторые исследователи трудов Шмитта – и в частности его «Политической теологии» – считают, что посредством соотнесения *суверена* с *Богом*, *чрезвычайного положения* – с *чудом* и *политического действия* – с *крестным путем*, ученый пытался оградить свое учение о децизионизме от какой-либо критики, поскольку «пропущенная» сквозь призму теологического, а не критического мышления политика становилась предметом веры, принимая форму и выражение неоспоримого догмата. На самом

© Антонов Б.А., 2024

* Полное название работы «Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете».

деле такое «исследовательское» видение проводимых Шмиттом аналогий не объясняло ни интерпретативно сложную теорию суверена, ни его политическую теологию, а лишь упрощало, а порою и вульгаризировало их.

Занимаясь исследованием генеалогии политической власти, Шмитт пытался установить характерный для конкретной эпохи тип *суверена* (Папа Римский – в период раннего и классического Средневековья (V–XIV вв.); протестантский реформатор (в лице Ж. Кальвина) – в период позднего Средневековья (XVI в.), абсолютный монарх – в период европейского абсолютизма (XVI–XVIII вв.), немецкий народ – в период существования Веймарской республики (1918–1933 гг.), рейхспрезидент – в период зарождения национал-социализма (30-е гг. XX в.). По Шмитту сущностная природа каждого из них выявляется в процессе принятия ими только тех политических решений, которые немецкий исследователь определяет как *решения о введении чрезвычайного положения*. При этом каждая эпоха «задает» своего суверена, что предполагает обязательное подчинение его политического решения духу времени конкретного исторического периода. Таким образом, с поступательным развитием политической теологии развивается и (юридический) децизионизм, вследствие чего понятия *суверен*, *суверенитет* и *решение о чрезвычайном положении* «обрастают» новыми смысловыми значениями.

Ключевые слова: суверен, суверенитет, политическая теология, нормативизм, юридический децизионизм, юридический позитивизм, норма права, чрезвычайное положение, решение о чрезвычайном положении

Для цитирования: Антонов Б.А. «По ту сторону правовой нормы»: понятие *суверен* с позиции юридического децизионизма и политической теологии Карла Шмитта // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2024. № 2. С. 113–133. DOI: 10.28995/2073-6304-2024-2-113-133

“Beyond the legal norm”. The concept of *sovereign* according to Carl Schmitt’s political theology and legal decisionism

Boris A. Antonov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, heidel@rambler.ru*

Abstract. The author of the article attempts to analyze the concept of *sovereign* according to Carl Schmitt’s legal decisionism and political theology. – the doctrines developed by the German philosopher and jurist Carl Schmitt (1888–1985).

Decisionism is rightfully considered as one of the basic concepts of Schmitt’s political and legal discourse. In his voluminous treatise “Dictatorship” (1910), Schmitt initiates a detailed doctrine of decisionism, which is based on the adoption of a political decision justified by the relevant authority (and not the law). Later (in 1922), Schmitt publishes his “Political Theology”, which again takes into its optics decisionalism and those of its state-legal con-

cepts that can be correlated with theological ones. *Sovereign, sovereignty* and *state of emergency* are the first to belong to them. And finally, in his work “On Three Types of Legal Thinking” (1934), he works out classification of legal thinking (in which it is permissible to assume the simultaneous existence of all three of its types), rejecting normativism and justifying his own inclination towards decisionism and thinking in terms of the specific order.

Some researchers of Schmitt’s works – and in particular his “Political Theology” – believe that by correlating *sovereign with God, state of emergency with a miracle, and political action with Way of the Cross*, Schmitt tried to protect his doctrine of decisionism from any criticism, since being “passed” through the prism of the theological, not the critical politics, it became an object of faith, taking the form and expression of an indisputable dogma. In fact, such an “exploratory” vision of Schmitt’s analogies did not explain either the interpretatively complex theory of the sovereign or his political theology, but only simplified and sometimes vulgarized it.

While researching the genealogy of political power, Schmitt attempted to establish a type of sovereign being characteristic for a particular era (the Pope – during the Early and Classical Middle Ages (V–XIV centuries); the Protestant reformer (represented by J. Calvin) – during the late Middle Ages (XVI century), the absolute monarch – during the period of European absolutism (XVI–XVIII centuries), the German people – during the existence of the Weimar Republic in Germany (1918–1933), the Reich president – during the birth of national socialism (the 30s of the XX century). The essential nature of each of them is revealed in the process of taking only those political decisions that the German Schmitt defines as decisions on introducing a state of emergency.

At the same time, each epoch “sets” its own sovereign, what implies the obligatory subordination of its political decision to the spirit of the time in a particular historical period. Thus, with the progressive development of political theology, (legal) decisionism is also developing, resulted in the concepts of *sovereign, sovereignty and emergency decision* “acquiring” new semantic meanings.

Keywords: sovereign, sovereignty, political theology, normativism, legal decisionism, legal positivism, (legal) norm, state of emergency, emergency decision

For citation: Antonov, B.A. (2024), “‘Beyond the legal norm’. The concept of *sovereign* according to Carl Schmitt’s political theology and legal decisionism”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series*, no. 2, pp. 113-133, DOI: 10.28995/2073-6304-2024-2-113-133

Введение

В XX в. понятие *суверен* «ушло» из текстов основных государственных документов, а вопрос введения чрезвычайного положения не упоминается в большинстве конституций демократических государств (в том числе и в Конституции РФ). Игнорирование современной теорией права столь значимых в

XIX в. концептов легко объяснимо: с исчезновением ряда европейских монархий, распространением законодательной активности парламентов и, как следствие, развитием юридического нормативизма, суверену не находится места ни в структуре государственной власти, ни в нормативной юридической науке, а объявление чрезвычайного положения, как правило, не артикулируется в государственных документах (но при этом имплицитно в них присутствует). Означает ли это, что не только понятие суверен, но и сам феномен суверенной власти и чрезвычайного положения исчезли с горизонтов демократического ландшафта? Ответ на данный вопрос требует отдельного исследования, в процессе которого учение немецкого философа и правоведа Карла Шмитта (1888–1985) о суверенитете, суверене и чрезвычайном положении остается предметом научного интереса российских и зарубежных юристов, философов и политологов. Их критический анализ таких трудов Шмитта, как «Диктатура», «Политическая теология» и «О трех видах юридического мышления» свидетельствует об актуальности заявленной темы.

*От абстрактной юридической нормы
к единоличному решению суверена*

В различные эпохи государственная власть континентальных европейских стран неоднократно меняла *форму политического убеждения* к государственному принуждению, и это предопределяло периодическую трансформацию (1) *форм государственного правления* (абсолютная или ограниченная монархия; президентская, правительственная или парламентская республика; прямая, представительная или либеральная демократия), (2) *доктрин права* (теологическое право, естественное право, нормативизм, децизионизм, институционализм и т. д.), (3) *политических идеологий* (демократических, антидемократических) и (4) политико-правовых *«ценностей»* (демократических и мультикультурных)¹. Однако несмотря на цикл форм правления, правовых доктрин и политических идеологий, не-

¹ Кроме того, политико-правовые изменения могли происходить вследствие военных и революционных потрясений, в горниле которых рождались очередные формы государственного устройства, подкрепленные правовыми теориями, политическими идеологиями и опосредованные соответствующими политико-правовыми ценностями.

изменной и неоспоримой оставалась *политико-правовая субъектность государства* с таким набором ее обязательных признаков, как государственная власть, государственный суверенитет, государственная территория, государственная символика, право государства собирать налоги (и, соответственно, обязанность граждан/подданных их платить).

В XX в. нормативизм (как очередная доктрина права) был призван завуалировать государственное принуждение с помощью *абстрактных юридических норм*: люди должны были поверить в то, что они подчиняются только определенным и предсказуемым требованиям закона, а не потенциально произвольной власти других людей. Аналогичным образом конституции (как основные нормы права) маскировали требования конкретной политической программы, которую поддерживали определенные политические силы, использующие абстрактные юридические нормы в качестве «камуфляжа» для принятия политически значимых решений.

Признавая тот факт, что абстрактные юридические нормы наилучшим образом подходят для формирования убеждения к государственному принуждению, Шмитт тем не менее выступал за их сохранение лишь в случае нормальной (в терминологии Шмитта гомогенной) ситуации. Риск ее перехода в ненормальную – *чрезвычайную* – ситуацию предполагал игнорирование, изменение или отмену правовой нормы политическим решением *суверена*. Отсюда ставшее хрестоматийным шмиттовское определение суверена: «*Суверен – это тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении*» (курсив мой. – Б. А.) [Шмитт 2016, с. 8], которое, как и все предыдущие рассуждения Шмитта на тему о чрезвычайном положении, неминуемо приводят к выводу о том, что тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении, одновременно принимает решение о том, *какое именно положение следует считать чрезвычайным* (суверен есть тот, кто обладает властью квалифицировать юридическую ситуацию как нормальную или чрезвычайную).

Но решение этого вопроса (т. е. вопроса о том, какое именно положение следует считать чрезвычайным) не возможно без того, чтобы не учитывать мнение большинства электората, который бы вслед за сувереном (1) поддержал оценку положения как чрезвычайного и (2) в случае такой поддержки одобрил само принятие решения о введении чрезвычайного положения. В случае отсутствия единодушной оценки существующего положения суверен встает на сторону той части электората, чье

мнение о «концепции нормальности» совпадает с его мнением, и вынужден применять насильственные меры по отношению к той части электората, которая не согласна с его оценкой существующего положения. Иными словами, в этом случае суверен производит *различение* на друзей и врагов (понятие политического).

Таким образом, принятие решения о чрезвычайном положении на фоне гетерогенной ситуации в государстве предполагает разрешение суверену применить насилие, недопустимое в условиях демократии. Осознание возникшего в шмиттовской концепции онтологического противоречия предполагает назначение на эту роль народного суверена, который, однако, в отличие от суверена из шмиттовской «Политической теологии», обязан, опираясь на волю народа [Шмитт 2016, с. 12], принимать решения в соответствии с существующими правовыми нормами.

О чрезвычайном положении: между политикой и правом

Сходство между чрезвычайным положением и суверенитетом Шмитт фиксирует в «Политической теологии», предлагая в качестве основания для утверждения подобного сходства определение суверена как лица, принимающего решение о чрезвычайном положении. Отсутствие какого-либо пояснения в отношении того, какую именно ситуацию и в соответствии с какими канонами следует считать чрезвычайной, дает большинству политиков и юристов повод, с одной стороны, более чем свободно ее интерпретировать, а с другой – принимать ее наличие в тот или иной период истории как *факт*. Причин для вольной интерпретации понятия чрезвычайной ситуации несколько, и главная – это отсутствие *теории чрезвычайного положения*, которая бы позволила зафиксировать подлинную юридическую проблему, связанную с затруднением в определении самого термина, ибо «он находится на границе между политикой и правом» [Агамбен 2011, с. 7].

Исторический период Древнего Рима наглядно демонстрирует *пример действия режима чрезвычайного положения*, способность введения которого определяет (согласно учению Шмитта) суть понятия *суверен*. Правовое мышление граждан древнеримского полиса разделяло политическое пространство на две части: *в пределах и вне пределов римских городских*

стен². В пределах городских стен Рима действовали гражданские законы, вне пределов – военные. Другими словами, юрисдикция римских магистратов имела *пространственное измерение*: если какой-либо римский гражданин не отдавал почести римскому магистрату на территории города Рима, он [гражданин] подлежал только порке. Если же римский гражданин допускал аналогичную провинность за пределами римских городских стен, он приговаривался к смертной казни³. Таким образом, режим чрезвычайного положения автоматически распространялся прежде всего на то пространство, которое находилось «по ту сторону римских городских стен». Данный исторический пример стал основой для сформулированного Шмиттом *принципа локализации пространственного порядка*:

Мир представляет собой не внепространственное, нормативное всеобщее понятие, а всегда определяется *конкретной локализацией* как имперский мир, мир той или иной земли, церкви, города, замка, марки или тинга [Шмитт 2008, с. 34].

Еще более конкретное пояснение понятия локализации чрезвычайного положения предложил современный итальянский философ Дж. Агамбен (род. в 1942 г.):

...*место*, в котором оппозиция между нормой и применением становится максимальной. Это поле *правового напряжения*, в котором минимум действительности совпадает с максимумом применения и наоборот [Агамбен 2011, с. 60].

² Подобное разделение пространственного порядка было введено основателем Рима Ромулом, который убил своего брата Рема за то, что тот перепрыгнул через только что построенную городскую стену (нарушение «святости» стены).

³ В качестве символа изменения римского пространственного порядка и соответственно юрисдикции римских магистратов служило наличие или отсутствие обоюдоострой секиры (секуриса) в ликторском пучке – фасции, которая впоследствии стала непосредственным атрибутом власти римских царей, магистратов, а затем и римских императоров. За пределами римских городских стен в фасцию вставлялась секира («фасция с секурисом»), которая символизировала право царя/магистрата/императора казнить или миловать подданных. Право ношения фасций закреплялось за ликторами – вольноотпущенниками римских магистратов и одновременно их личной охраной.

Такая оппозиция наглядно прослеживается в приведенной выше древнеримской ситуации, когда *норма права действительна* вне зависимости от места локализации (и там, и там провинившегося ожидает наказание), но при этом *применение нормы*, выраженной разными формами наказания, *обусловлено местом локализации*.

Кроме того, римское государство неоднократно сталкивалось с различными видами внешних и внутренних чрезвычайных ситуаций, которые наиболее часто характеризуются ведением гражданских и межгосударственных войн (реже – наличием кризисов и восстаний). Для их преодоления римляне назначали *диктаторов*, которые первоначально выполняли функции *военных полководцев* – императоров⁴ [Шмитт 2005, с. 19, 20], но со времен Суллы⁵ им в обязанность было вменено выполнение *политических* задач:

Диктатор – это всегда пусть и экстраординарный, но все же конституционный государственный орган республики, *capitano*, подобный консулу и другим «начальникам» («Рассуждения». II, гл. 33). Государь же, напротив, суверенен [Шмитт 2005, с. 25].

Чрезвычайным положением по праву именовалась ситуация «узаконенной гражданской войны», сложившейся в довоенной Германии, где к началу 30-х годов фактически прекратила свое действие Веймарская конституция, а новые законы отсутствовали, в результате чего в стране наступило время *социальной аномии* – состояния прерванного правопорядка, которое предполагает прекращение действия правовой нормы, но никак не отрицает существование государства и государственной власти, что лишней раз доказывает их превосходство над действием закона [Шмитт 2016]. «Превосходство» государственной власти над нормой было ознаменовано декретом Гитлера о приостановке действия ряда статей Веймарской Конституции о защите личных прав и свобод граждан⁶. Принятие данного де-

⁴ Понятие «император» происходит от латинского термина “*imperium*” (высшая власть), который представляет собой разновидность “*potestas*” (власть), т. е. государственную власть римского магистрата и одновременно семейную власть отца семейства (*paterfamilias*).

⁵ Луций Корнелий Сулла (138–78 гг. до н. э.) – римский диктатор, который первым распространил чрезвычайное положение в пределах города Рима, введя в него свои легионы.

⁶ См. декрет Гитлера «О защите народа и государства» от 28 февраля 1933 г.

крета «с юридической точки зрения позволяет считать Третий рейх чрезвычайным положением, длившимся 12 лет» [Агамбен 2011, с. 9]. Исходя из вышесказанного возможно предположить, что социальная аномия, отождествляемая с господством декрета, приказа или даже закона, по сути является *беззаконием*, ибо

...государственная власть выражает себя в законе, который понимается либо как состояние мира, навязываемого грубой силой, либо как результат борьбы или войны, выигранной наиболее сильным [Яркеев 2018, с. 56].

Очевидным беззаконием выступает и свод нацистских законов (Нюрнбергские расовые законы 1935 г.), полностью лишаящих евреев, заключенных в концентрационных лагерях, их правовой идентичности, и военный приказ президента США Дж. Буша от 13 ноября 2001 г., санкционировавший «задержание на неопределенный срок» граждан других стран (подпадавших под подозрение в причастности к террористической деятельности), и «Патриотический акт» Сената США от 26 октября 2001 г., в соответствии с которым разрешается «заключать в тюрьму» иностранцев, которые подозреваются в деятельности, угрожающей «национальной безопасности Соединенных Штатов» [Агамбен 2011]. Во всех трех случаях те, на кого направлены решения представителей государственной власти, теряют свой правовой статус, и выведенные из-под действия закона, выступают как объекты «чистого проявления этой власти» [Агамбен 2011, с. 11]⁷.

Последний случай (решение Дж. Буша о задержании граждан других стран, подозреваемых в терроризме) выявляет *биополитический смысл* государственного суверенитета США, в соответствии с которым отношения между властными структурами США и американской нацией выстраиваются на основе «договора о безопасности». С его помощью государство ис-

⁷ Как пишет итальянский философ Дж. Агамбен, «захваченные в Афганистане в плен талибы не только не имеют статуса военнопленного согласно Женевской конвенции, но по американским законам не считаются и обвиняемыми в каком бы то ни было преступлении. Не заключенные и не подсудимые, но лишь «задержанные» (*detainees*), в реальности они являются объектом чистого проявления власти» [Агамбен 2011, с. 11] (см. кейс *Салим Ахмед Хамдан против Дональда Х. Рамсфельда* (2005): *Антонов Б.А.* 11 судебных кейсов США по международному праву: Учеб. пособие / Под ред. О.В. Павленко. 2-е изд., испр. М.: РГГУ, 2019. С. 57–61, 74–76).

пользует любые кризисные ситуации, «нарушающие течение повседневной жизни» (и прежде всего проявление террора со стороны других государств), как повод для их (ситуаций) исключения из правового поля и издания законов о чрезвычайном положении, которые «обосновываются как готовность государства защитить население “любой ценой”, т. е. всеми доступными средствами, включая игнорирование права» [Яркеев 2018, с. 59]. Агамбен определяет чрезвычайное положение как *диспозитив*, который, в соответствии с учением Фуко, характеризуется амбивалентностью значений и гетерогенной совокупностью элементов. Диспозитив чрезвычайного положения, таким образом, проявляется, с одной стороны, как средство, «с помощью которого право включает в себя саму человеческую жизнь путем приостановки своего же собственного действия», а с другой – как «предварительное условие, позволяющее определить тип отношений, связывающих и одновременно разделяющих человека и право» [Агамбен 2011, с. 10].

Сегодняшняя функциональная особенность чрезвычайного положения выявляет в нем доминирующую управленческую парадигму современной политики, которая превращает временную и исключительную меру, свойственную Средневековью, в постоянный элемент правовой системы. Основанием для такого «превращения», более того – основным источником права – многие исследователи считают *крайнюю необходимость*. Среди них Агамбен выделяет итальянского юриста и философа права Санти Романо (1875–1947), который определил крайнюю необходимость как «главный и первоначальный источник всего права», поскольку «ее (крайнюю необходимость) нельзя регулировать через прежде установленные нормы». На основании такого утверждения Санти Романо рассматривает чрезвычайное положение как

...форму крайней необходимости, которая выступает как «незаконная», но при этом совершенно «правовая и конституционная» мера, воплощаемая в производстве новых норм (или новой правовой системы) [Агамбен 2011, с. 47–48].

По мнению Агамбена, парадоксальность подобного заявления наводит на еще более парадоксальную мысль, согласно которой чрезвычайное положение (революция, восстание, террористический акт и т. д.) как *факт* антизаконного/антиправового действия становится законным/правовым, в то время как действующая на момент чрезвычайного положения норма ста-

новится *фактом*. В результате перехода факта в право и наоборот границы между ними теряются, и возникает «порог неразличимости», вследствие которого любая попытка определить сущность крайней необходимости становится невозможной [Агамбен 2011].

Еще раз напомним, что по Шмитту монополией на принятие решения о чрезвычайном положении обладает суверен, а это значит (опять же в соответствии с логикой Шмитта), что и решение, принимаемое сувереном, и право, определяемое сувереном в этом решении, «остаются в рамках юридического» [Шмитт 2016, с. 25]. Таким образом и Шмитт, и Санто Романо оставляют за сувереном право на принятие не только политического, но и юридического решения, которое тем не менее лишено какого-либо законного основания.

Суверен в исторической ретроспективе.

Диктатура и суверенитет:

о соотношении понятий

В своем трактате «О трех видах юридического мышления» (1934 г.) Шмитт разрабатывает юридическую доктрину *децизионизма* (и соответствующее ей децизионистское юридическое мышление), в свете которой право трактуется как *политическое решение*⁸. В каждую конкретную историческую эпоху в разных европейских государствах за политическим решением стоит свой – характерный лишь для нее – тип суверена.

В эпоху Средневековья сувереном выступал Папа Римский, чье решение, основанное на римско-католической догме и одновременно апеллирующее к элементам децизионизма, считалось непогрешимым. При этом Шмитт отмечает непогрешимость папского решения лишь в силу его (Папы) должности, намекая на неочевидность его непогрешимости с точки зрения закона (правоприменения) [Шмитт 2013]. Таким образом, средневековый децизионизм находит свое воплощение в решениях Папы Римского, которые на момент их принятия воспринимаются как обязательные к исполнению в силу непогрешимости римско-католической церкви и ее главы.

⁸ В своем эссе «Фюрер защищает право» (1934) Шмитт именуется лидером Третьего рейха «высшим судебным главой немецкого народа». URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/shmitt/0/j23.html (дата обращения 15 октября 2023).

Во времена Реформации центр принятия решений переместился из Рима во Францию, а затем в Женеву, где получили широкое распространение идеи протестантского богослова Ж. Кальвина (1509–1564), именуемого «Женевским Папой». «Катехизис» Кальвина, равно как и его «Наставление в христианской вере» признавали суверенитет Бога, а значит, абсолютное подчинение человека его воле:

В кальвинистском учении... Бог уже до грехопадения принял *окончательное решение* относительно спасения и проклятия, милости и немилости в отношении каждого отдельного человека... [Шмитт 2013, с. 324].

После завершения периода Реформации и секуляризации суверенное право принятия политических решений переходит к монархам, чья власть, существующая лишь де-юре, традиционно сдерживается целым рядом государственных и негосударственных институтов (в лице церкви и парламента), с одной стороны, и угрозой революции или восстания – с другой.

С середины XIX в. в результате утверждения концепции национального государства на смену понятию *суверен* приходит юридический институт *суверенитета*, который закреплен не за отдельным лицом, а за государством в целом.

Обращает на себя внимание тот факт, что Шмитт начинает свое исследование, посвященное теории суверена, минуя *римский период* и сразу обращаясь к периоду Средневековья. Подобное «невнимание» сопряжено с отрицательным отношением неогегельянских юристов (к которым принадлежал Шмитт) к римскому праву, которое, по их мнению, «служило интересам материалистического мирового порядка», а потому должно было быть заменено «германским общинным правом»⁹.

Не стоит, однако, забывать, что в «Диктатуре» Шмитт подробно анализирует взгляды тех исследователей, которые занимались рассмотрением смежного с *суверенитетом* понятия *диктатура* и смежного с *сувереном* понятия *диктатор* (см. [Шмитт 2005]). Именно они – и прежде всего гуманисты эпохи Возрождения – подвергли подробному анализу высказывания римских правителей относительно диктатуры, исходя из чего было выведено ее определение:

⁹ См. п. 19 Программы «25 пунктов НСДАП», 1920 г.

Диктатура есть мудрое изобретение римской республики, диктатор же – чрезвычайный римский магистрат, должность, введенная... для того, чтобы в дни опасности имела сильная верховная власть (*imregium*), которая, в отличие от чиновной власти консулов, не ущемлялась бы ни коллегиальностью, ни правом вето народных трибунов, ни апелляцией к народу [Шмитт 2005, с. 19].

Правовые и политические отличия диктатуры разных исторических периодов, равно как и отличия комиссарской диктатуры от суверенной, республиканской от цезарианской и т. д., внесли содержательные коррективы как в первоначальное определение самого термина, так и в определение понятия *диктатор*.

В период ранней республики первыми диктаторами были полководцы (в классическом древнеримском варианте – императоры), назначаемые на случай войны и слагавшие свои полномочия по истечении шести месяцев¹⁰. Но с началом принципата Октавиана Августа содержание понятия *император* претерпело существенные изменения. Так, чтобы не возбуждать общественное мнение и не повторить судьбу Цезаря, Октавиан десятилетиями концентрировал единоличную власть и за это время принял на себя обязанности великого понтифика (религиозная власть), консула (право руководить внешней политикой государства), народного трибуна (право вето на народных собраниях) и принцепса – *princeps civitatis* (право первого голоса в сенате)¹¹.

¹⁰ Однако когда приемный сын Гая Юлия Цезаря полководец Гай Октавий (63 г. до н. э. – 14 г. н. э.), будущий император Октавиан Август, разгромил войска Антония и Клеопатры у мыса Акция в 29 г. до н. э., захватил последнее эллинистическое государство – Египет и закончил гражданскую войну, он отказался складывать с себя полномочия полководца (императора), чем вызвал всеобщее удивление римских граждан: по окончании войны полководец должен был сложить свои полномочия, ибо не может быть императора в мирное время. Тем не менее римляне приняли новое положение вещей, поскольку устали от тягот и потерь длительной гражданской войны. Таким образом, произошел (выражаясь языком Шмитта) синтез децизионизма (чрезвычайные полномочия полководца) с нормативизмом (нормальной ситуацией), что и породило «новый конкретный порядок античного мира». Этот исторический момент озаменовал рождение Римской империи.

¹¹ Правление Октавиана положило начало дискурсивному соотношению императора с Богом по принципу «Богу – богово, кесарю – кесарево». Подобная аналогия и послужила основой для возникновения теологической концепции суверена в те исторические периоды, когда правление римских кесарей уже закончилось.

Основные признаки диктатуры и диктатора со временем начали распространяться на институты других стран, что позволило ряду политических философов (и в частности Макиавелли) предпринять «попытку осмысления института диктатуры как *понятия общего учения о государстве*» [Шмитт 2005, с. 23] (курсив мой. – Б. А.).

На этом этапе возникла необходимость различения диктатуры комиссарской и суверенной, для которых были характерны разные типы диктаторов. Шмитт небезосновательно указывает на то, что Макиавелли, равно как его последователи, игнорируя данное различие, считал диктатуру институтом, характерным лишь для «свободной римской республики», и вследствие этого отказывал европейским монархам в статусе диктаторов, а монархический способ правления не считал диктатурой. Власть диктатора, по Макиавелли, обусловлена его правом принятия единоличного решения и его исполнения без права кого-либо это решение обжаловать. Однако тот факт, что вынесенное диктатором решение получает немедленную правовую силу, никак не сказывается на расширении его полномочий в области законодательной деятельности.

По мнению Макиавелли, критерием отличия монарха от диктатора выступает возможность исполнения ряда законодательных полномочий одним (монархом) и невозможность их исполнения другим (диктатором):

Диктатор не может менять существующие законы, не может отменить конституцию или изменить организацию власти, не может он издавать новые законы. В силу этого диктатура представляет собой конституционное республиканское учреждение... [Шмитт 2005, с. 24],

а монарх(ия) суверенен(суверенна). Критика Шмиттом взглядов Макиавелли сводится главным образом к слишком пристальному (и неоправданному) вниманию последнего к чисто техническим вопросам управления, что «ведет к безразличию в отношении дальнейшей политической цели» [Шмитт 2005, с. 26].

Ж. Боден был первым, кто установил связь между суверенитетом и диктатурой, предложив свое определение понятия *суверенитет* и *суверен* применительно к современной теории государства и права: «Суверенитет есть абсолютная и постоянная республиканская власть...», а «кто обладает абсолютной властью, тот и суверенен» [Шмитт 2005, с. 44, 46]. В отличие от диктатора, чья власть по определению не могла быть абсолют-

ной, поскольку заканчивалась по окончании выполнения ими поручения, суверен имел абсолютные полномочия, которые давали ему право абсолютной власти в отношении любого подданного. Отношение к такому различию со стороны остальных исследователей было неоднозначным: несмотря на то, что значимая часть авторов в общем и целом были согласны с Боденом, в некоторых источниках римской республики диктатура либо приравнивалась к суверенитету, либо считалась его разновидностью, а Гроций неоднократно подчеркивал отсутствие существенного различия между ними.

*Понятие суверена
в политической теологии
К. Шмитта*

Теория суверена находит свое отражение в исследованиях Шмитта, связанных с политическим децизионизмом, юридическим институционализмом и политической теологией.

После окончания Второй мировой войны Шмитт продолжит заниматься поиском центра принятия политических решений, а значит, поиском нового суверена, осознавая при этом, что в государственной структуре послевоенной Западной Германии отсутствовала сильная исполнительная власть, и поэтому ни федеральное правительство, ни федеральный канцлер, ни федеральный президент не подпадали под то определение понятия *суверен*, которое немецкий правовед предложил в своей «Политической теологии»¹².

В первой, а затем и во второй главах своей «Политической теологии» понятие суверенитета становится для Шмитта предметом не только политического, но и богословского осмысления. Задаваясь вопросом о том, «суверенен ли только Бог, то есть тот, кто в земной действительности действует как его пред-

¹² Решение Федерального конституционного суда Западной Германии от 15 января 1958 г. по делу Эриха Люта считать права человека согласно Основному закону объективным порядком ценностей (философия ценностей), которые подменяли нормы права, вызвало критику Шмитта (см. «Тирания ценностей»). В этой ситуации единственным способом разрешения кризиса в форме государства правосудия был *возврат к государству законодательства*, в котором главным гарантом выступал федеральный парламент (Бундестаг) (см. [Кондуров 2023]).

ставитель, не встречая прекословия, или *император*, или *владелец князь*, или *народ...*» [Шмитт 2016, с. 12], Шмитт по сути поднимает вопрос о субъекте и признаке суверенитета, который [вопрос] сводится у него как минимум к двум аналогиям: первая проводится между Богом и его земным представителем, предполагающим для себя неограниченную власть; вторая применяется к конкретному положению дел (чрезвычайной ситуации). При этом Шмитт ограничивает исследование понятия *суверен* временными рамками монархии XVII в. и в соответствии с *социологией юридических понятий*¹³ рассматривает абсолютную власть монарха в соотношении с абсолютной властью Бога, умалчивая при этом, будут ли полномочия народа, например, аналогичны власти монарха в роли суверена.

В рамках теологического подхода Шмитта суверен как вселенский законодатель наделяется чрезвычайными абсолютными полномочиями по аналогии с волей Творца, которая, как и воля суверена, амбивалентна по своей природе. И в том, в другом случаях воля выражается в заботе о человеке и одновременно – в тех требованиях к нему, которые в случае исполнения приводят к спасению. При этом если к Богу обращаются с молитвой, то суверену приносят *клятвы (присяги)*:

И сегодня, когда поддерживающее государство движение клянется вождю в нерушимой верности, мы можем вновь непосредственно отдать должное *правовой сущности клятвы верности* [Шмитт 2013, с. 344]¹⁴ (курсив мой. – Б. А.)

Возможно предположить, что, имея в виду в качестве критерия для определения понятия *суверен* различные временные периоды развития национал-социализма, данное понятие могло менять свое содержательное наполнение. Так, сразу после смерти рейхспрезидента Пауля фон Гинденбурга в 1934 г. Гитлер

¹³ Метод аналогии, который предполагает возможность соотнесения Бога и суверена, а исключительного случая (в общественно-политической действительности) с чудом в метафизической теологической картине мира, обозначен Шмиттом как *социология юридических понятий*.

¹⁴ Примером такой клятвы считается арагонская клятва верности монарху: «Мы, кто так же хорош, как ты, клянемся тебе, который не лучше нас, считать тебя нашим королем и сюзереном при условии, что ты будешь соблюдать наши свободы и законы, а если нет – тогда нет» (Хьюз Р. Барселона: история города / [пер. В. Капустиной]. М.; СПб.: Эксмо: Мидгард, 2008. С. 168).

поставил вопрос о целесообразности объединения государственных постов рейхспрезидента и рейхсканцлера на народном референдуме. Рассмотрение данного события сквозь призму политической теологии Шмитта позволяет предположить, что на момент проведения данного референдума народ выступил в качестве суверена, чтобы уже через несколько дней передать эти полномочия фюреру как «высшему судебному главе немецкого народа». В связи с тем, что Конституция Веймарской республики не была отменена, статья 48 данного документа о введении чрезвычайного положения распространялась и на самого Гитлера как на рейхспрезидента, и на рейхсканцлера одновременно. Другими словами, Гитлер, принимая на себя полномочия суверена, одновременно получал *право квалифицировать* ту или иную политическую ситуацию либо как «нормальную», либо как чрезвычайную. При этом малейший риск потери верховной власти суверена неоднократно сподвигал Гитлера к тому, чтобы расценивать его (риск) как повод для принятия решений о чрезвычайном положении¹⁵, которые по сути своей сводились к отмене конституционных прав немецких граждан.

И еще. Для Шмитта в качестве критерия оценки действий самого суверена выступает способность последнего сохранять общественное спокойствие и стабильность (образ Левиафана). Если же суверен не справляется с чрезвычайным положением, не умея предотвратить (прекратить) кризис, революцию или войну (образ Бегемота), он тем не менее не теряет правомочия суверена. С другой стороны, полное разрушение общественного порядка и наступление хаоса неминуемо ведет страну к риску потери суверенитета, а суверена – к риску потери своего статуса. Так, в результате поражения во Второй мировой войне на территории Германии возникли оккупационные зоны, су-

¹⁵ К решениям о введении чрезвычайного положения относятся следующие законы:

1) закон о преодолении бедственного положения народа и государства, или Закон о чрезвычайных полномочиях (нем. Ermächtigungsgesetz) от 23 марта 1933 г., который стал заключительным этапом разгрома нацистами политической оппозиции в стране;

2) закон о мероприятии государственной самообороны от 3 июля 1934 г., в котором убийства, совершенные в «Ночь длинных ножей» (30 июня 1934 г.), объявлялись правомерными и расценивались как государственная самооборона;

3) Нюрнбергские расовые законы 1935 г., которые стали предзнаменованием Хрустальной ночи (9–10 ноября 1938 г.).

веренитет Германии перешел к державам-победительницам, а власть фюрера как суверена стала юридической фикцией (поскольку его самоубийство означало добровольное прекращение его суверенных полномочий).

Само принятие решения о чрезвычайном положении предполагает *различение на друзей и врагов* (понятие политического), что, в свою очередь, в ситуации чрезвычайной напрямую связано с экзистенциальными вопросами жизни и смерти. Но если в классической теологии вопросы жизни и смерти – это всегда вопросы, критерием для которых выступает нравственная сила божественного выбора между добром и злом, то в истории нацистской Германии в процессе решения государственных вопросов вместо критерия – добро-зло – выступает критерий государственных интересов, но в соответствии с их неограниченным толкованием самим сувереном (телеологическое толкование права).

Если суверен подобен Богу, чрезвычайное положение – чуду, политическое действие – крестному пути, то (шмиттовская) «социология понятия суверенитета» [Шмитт 2016, с. 39] подразумевает *тождество* метафизической (философской) картины мира с формой политической организации конкретной эпохи (монархии, демократии) [Шмитт 2016, с. 42]. Рассогласование метафизической картины мира с формой политической организации конкретной эпохи ведет к исчезновению самого понятия *суверен*, что не мешает современным мыслителям продолжать исследование таких соотносимых с ним политических феноменов, как *власть* и *властные полномочия*.

Заключение

После Второй мировой войны наступил период *апеллятивной политической теологии*, само название которой предполагает ее обращение к страданиям, которые пережили люди в военное время и которые стали «нулевой точкой», изменившей теологию [Кондуров 2019]. Предпосылкой для создания лагерей смерти и Холокоста очевидным образом выступали расовые законы и политико-философские учения, среди которых не последнее место занимает политическая теология Шмитта и его теория суверена. Парадоксально в связи с этим то, что на роль шмиттовского суверена претендуют Соединенные Штаты Америки – держава, которая политически считает себя демократической страной и которой, по мнению Шмитта, свой-

ственна склонность к сочетанию нормативизма и децизионизма¹⁶ [Шмитт 2013].

В 1991 г. с распадом СССР влияние США в Европе стало доминирующим, а права человека были объявлены высшими ценностями, что не помешало американскому руководству в связи с терактами 11 сентября 2001 г. ввести чрезвычайное положение, ограничив (неотчуждаемые и естественные) права и свободы американских и иностранных граждан¹⁷. Таким образом, сами США продемонстрировали, что их правопорядок не отличается от правопорядка любого другого государства («заурядность» права), когда исполнительная власть становится центром принятия решений в чрезвычайных обстоятельствах, а права человека – оговорки, но не правило в правовой системе страны.

Еще одним следствием терактов 11 сентября стало следование американскими властями как концепции превентивного удара (размывание границ между «агрессором» и «жертвой»), так и концепции войны с международным терроризмом («международная полицейская операция»), которая (как и война религиозная) дискриминирует врага как преступника и абсолютное зло (криминализация и демонизация врага).

Размышляя над причинами, в связи с которыми учение Шмитта о суверене, суверенитете и абсолютной власти столь актуально и востребовано сегодня, возможно предположить, что Соединенные Штаты в той или иной степени повторяют путь Германии времен Второй мировой войны, примеряя на себя ее политико-правовые установки.

При этом сам Шмитт не был обычным *нацистским* юристом в классическом понимании этого слова. Немецкий философ предлагал экспликацию человеческого вида, опираясь главным образом на операционные механизмы юридического мыш-

¹⁶ Именно по пути децизионизма последовала послевоенная система международных отношений и само международное право: согласно ст. 38 Статута Международного суда ООН среди источников международного права (международные конвенции; международный обычай; общие принципы права; судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных публицистов) отсутствуют законы. Следовательно, там, где нет законов, не может быть ни законности, ни нормативизма, ни нормативистского мышления. Таким образом, международное право является децизионистским по своей сути.

¹⁷ См.: Патриотический акт США 2001 г. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.d129dbe9-661f9c2a-a7bd6535-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Patriot_Act?__ya_mt_enable_static_translations=1 (дата обращения 13 января 2024).

ления. Расовые теории и расовая дискриминация всегда оставались вне поля его внимания¹⁸, а расовые ценности (как впрочем и остальные ценности правового характера) Шмитт отвергал категорически. Следует, однако, признать, что нацистское право в интерпретации Шмитта (т. е. без ярко выраженных расовых теорий) *опаснее* официальной расовой доктрины нордического германского права А. Розенберга, поскольку позволяет стандартизировать менталитет не только немцев, но и неарийцев (евреев, славян, украинцев) по аналогии с нацистской стандартизацией. Такое понимание Шмиттом нацистского права с определенной долей условности совпадает с официальной трактовкой итальянского фашизма¹⁹, поскольку последний, не предполагая расовых теорий (и, соответственно, расовой дискриминации), не просто предшествовал немецкому нацизму, но и был его историческим и политическим предвестием.

Итальянский фашизм, германский национал-социализм, американский империализм... Некоторые из них претендовали, а кто-то и сейчас претендует, на мировое господство, а значит и на абсолютную власть суверена, который освобождает себя от обязанности следовать букве закона и принимает единоличное Решение, от которого зависит судьба миллионов...

Литература

- Агамбен 2011 – *Агамбен Дж.* Номос сасет. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.
- Кондуров 2019 – *Кондуров В.Е.* Политическая теология Карла Шмитта: Дискурс и метод // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 49–78.
- Кондуров 2023 – *Кондуров В.Е.* «Тирания ценностей» Карла Шмитта в контексте спора о природе конституционных прав // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 3. С. 96–119.
- Шмитт 2005 – *Шмитт К.* Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. 328 с.
- Шмитт 2008 – *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 670 с.
- Шмитт 2013 – *Шмитт К.* О трех видах юридического мышления. М.: Территория будущего, 2013. 444 с.

¹⁸ Примечательно, что в своих наиболее значимых трудах Шмитт ни разу не упоминает Нюрнбергские расовые законы 1935 г.

¹⁹ См.: *Филатов Г.С.* Крах итальянского фашизма. М.: Наука, 1973.

- Шмитт 2016 – Шмитт К. Политическая теология // Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем., под ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.
- Яркеев 2018 – Яркеев А.В. Чрезвычайное положение как предельное состояние социального бытия // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 1 (68). С. 55–59.

References

- Agamben, G. (2011), *Homo sacer. Chrezvychajnoe polozhenie* [Homo sacer. State of emergency], Evropa, Moscow, Russia.
- Kondurov, V.E. (2019). “Carl Schmitt’s Political Theology. Discourse and Methodological Approach”, *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS], vol. 14, no. 3, pp. 49–78.
- Kondurov, V.E. (2023), “Carl Schmitt’s ‘Tyranny of Values’ in the Context of the Debate on the Nature of Constitutional Rights”, *Russian Sociological Review*, vol. 22, no. 3, pp. 96–119.
- Schmitt, C. (2005), *Diktatura. Ot istokov sovremennoi idei suvereniteta do proletarskoi klassovoi bor’by* [Dictatorship. From the Origin of the Modern Concept of Sovereignty to Proletarian Class Struggle], Nauka, Saint Petersburg, Russia.
- Schmitt, C. (2008), *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum europaeum* [The Nomos of the Earth under the Law of Nations of Jus Publicum Europaeum], Vladimir Dal’, Saint Petersburg, Russia.
- Schmitt, C. (2013), “About three types of legal thinking”, Schmitt, C. *Gosudarstvo: Pravo i politika* [State. Law and Politics], Territoriya budushchego, Moscow, Russia.
- Schmitt, C. (2016), “Political theology”, Filippov, A.F. (ed.), Schmitt, C. *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political], Nauka, Moscow, Russia, pp. 5–59.
- Yarkeev, A.V. (2018), “The State of emergency as the extreme state of social being”, *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, no. 1 (68), pp. 55–59.

Информация об авторе

Борис А. Антонов, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; heidel@rambler.ru

Information about the author

Boris A. Antonov, Cand. of Sci. (Law), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; heidel@rambler.ru